

Су Цы вошел внутрь, и за его спиной с глухим звуком закрылась массивная металлическая дверь. Комната была совсем небольшой, поэтому, едва окинув её беглым взглядом, он сразу заметил номер три.

В самом углу, в узкой темной щели между кроватью и стеной, притаился ребенок. Лишь половина его маленького тела была освещена, обнажая бледные босые ступни.

Номер три прятался в глубине тени, крепко обхватив обеими руками игрушечный мяч. Выражение его лица оставалось пугающе спокойным и безразличным, словно он совершенно не замечал ни приближения чужака, ни пристального изучающего взгляда Су Цы.

Разумеется, если не обращать внимания на пальцы ног, которые он слегка, почти неощутимо поджал от напряжения.

На вид ребенку было около шести-семи лет; он казался немного старше номера пять.

Его черные блестящие волосы доходили до подлинка. Черты лица, хоть и детские, были весьма привлекательными, а пара больших, лишенных живого блеска голубых глаз делала его похожим на изящную, но совершенно бездушную фарфоровую куклу.

Ребенок выглядел ухоженным, кожа была белой и нежной, вот только одежда сидела на нем плохо: верх был слишком мешковатым, с нелепо широкими рукавами, а брюки оказались коротковаты, открывая лодыжки и часть голеней.

Су Цы вспомнил, что, за исключением номера пять, которая была в маленьком платьице, остальные дети носили одинаковые комплекты из кофт и штанов. Должно быть, это и была своего рода форма для детенышей?

Он лишь пожал плечами и не стал заставлять ребенка выходить из убежища, лишь тихо, почти шепотом произнес:

– Время ужина.

Затем Су Цы повернулся и поставил контейнер с едой на стол.

Маленький детский столик оказался полностью занят коробкой. Су Цы открыл крышку, явив миру дымящуюся... ну, будем называть эту субстанцию мясным желе.

Как только крышка была снята, по комнате мгновенно распространился насыщенный мясной аромат, от которого невольно разыгрался аппетит.

Су Цы, который после пробуждения успел съесть лишь один крошечный кусочек такого же желе и всё ещё чувствовал голод, не удержался. Он взял маленькую пластиковую ложечку, прилагавшуюся к набору, и зачерпнул порцию.

- Какая гадость, - поморщился он.

Почему же эта еда так аппетитно пахнет, но на вкус оказывается такой посредственной?

Су Цы был искренне озадачен, но это совершенно не помешало ему зачерпнуть вторую ложку и отправить её в рот. Пока он жевал, сердце вдруг екнуло. Он опустил голову и увидел, что ребенок, сжавшийся в углу, неизвестно когда бесшумно выбрался наружу.

Малыш стоял совсем рядом с ним, его макушка едва доставала Су Цы до пояса. Он поднял личико; голубые глаза всё ещё оставались расфокусированными, но по слегка нахмуренным бровям можно было понять, что он крайне озадачен происходящим.

- Тоже хочешь? - Су Цы снова зачерпнул ложку и поднес её к губам номера три.

Выражение лица ребенка стало еще более недоуменным. «Разве это... не его собственный ужин?»

Ни один нормальный воспитатель не стал бы воровать еду у детеныша. По крайней мере, за всё время пребывания в приюте для детенышей на тюремной звезде номер три с таким абсурдом еще не сталкивался.

Странный воспитатель.

Номер три не принял угощение от Су Цы. Он осторожно отступил назад, снова сел в углу и, опустив голову, принялся методично крутить в руках игрушечный мяч.

Этот мяч тоже был механическим изделием и при вращении маленькими ручками издавал ритмичные звуки «када-када». Ребенок снова погрузился в замкнутый мир, окончательно потеряв интерес ко всему окружающему.

Су Цы посмотрел на него пару раз, снова отправил ложку в рот и чуть не отправился на тот свет от этого ужасного мясного желе.

Остывшее желе стало в сто раз противнее. Какой безумец вообще придумал такую еду? Это же полное отсутствие вкуса!

Даже при всей своей прожорливости Су Цы больше не мог этого есть. Он отложил ложку и только собрался идти кормить другого детеныша, как вдруг на поясе запищал коммуникатор.

Су Цы ответил, и в трубке раздался встревоженный, почти панический голос 4586:

– Сусу, беда, беда! Номер восемь сбежал!

Номер восемь?

В голове Су Цы тут же возникли образы тех трех задиристых детенышей. Сюнь Сяоюй перед уходом предупреждала его, что эмоциональное состояние этой троицы крайне нестабильно.

Вот только он не знал, кто именно из них номер восемь.

– Как он выбрался? – спокойно спросил Су Цы.

– Я только открыл дверь комнаты, а номер восемь молнией выскользнул наружу, – впопыхах ответил 4586. – Но не волнуйся, номер восемь не сможет покинуть пределы приюта для

детенышей. Нам просто нужно найти его и вернуть в комнату.

Су Цы кивнул, оглянулся на тихо играющего в углу номера три и, не заботясь о том, обращает ли тот на него внимание, просто махнул рукой:

– Я ухожу. Ешь не спеша.

Затем он развернулся и вышел.

Он не заметил, как у него за спиной номер три слегка повернул голову, но тут же снова опустил её, обнимая маленькими ручками огромный механический мяч, и продолжил крутить его с характерным «када-када».

Су Цы вышел в коридор, раздумывая, пойти ли сначала покормить номер пять или всё же помочь 4586 с поисками, как вдруг что-то почувствовал. В глубине его черных глаз на мгновение вспыхнул холодный золотистый свет.

– Бах!

– Ой!

Номер восемь с размаху повалился на пол, болезненно схватившись за голову.

От неожиданного удара у него искры из глаз посыпались, и только благодаря тому, что пушистый хвост смягчил падение на пятую точку, боль была не такой сильной.

Он в полном недоумении поднял голову и увидел перед собой металлическую стену, в которой от удара осталась отчетливая вмятина. В его ярко-зеленых глазах, из которых от резкой боли выступили слезы, читалось абсолютное замешательство.

Что вообще происходит?

Он же просто бежал по коридору, как мог внезапно свернуть и с такой силой врезаться в

стену?

– Ты номер восемь?

Рядом раздался мягкий, неторопливый голос – совершенно незнакомый, но в то же время чем-то странно знакомый.

Номер восемь машинально повернул голову и увидел, что новый воспитатель неизвестно когда присел рядом с ним.

Их взгляды встретились, и мальчик невольно затаил дыхание.

В ярком стерильном свете коридора юноша казался окутанным легким, почти мистическим сиянием, а его прекрасные черные глаза выглядели очень нежными.

Однако в самой глубине этих глаз царило абсолютное спокойствие, словно там был заперт какой-то древний свирепый зверь, и один лишь взгляд приносил с собой гнетущее чувство давления.

Сердце номера восемь бешено заколотилось.

Ранее в столовой, когда этот воспитатель разговаривал с сотрудниками оперативного отдела, номер восемь уже обратил на него внимание.

Он вообще не интересовался воспитателями, зная по опыту, что никто из них не любит детей по-настоящему.

Однако этот новичок всё же привлек его внимание, потому что он был... невероятно красив! Это была такая красота, подобной которой он еще никогда не видел за свою короткую жизнь.

Конечно, это было лишь самое первое впечатление.

Вслед за этим номер восемь отметил хрупкое, худощавое телосложение нового воспитателя и полное отсутствие какой-либо боевой ауры.

Предыдущие воспитатели, хоть и не отличались особой силой, по крайней мере, выглядели грозно и внушительно. А этот? Казалось, дунешь – и он упадет.

В душе вдоволь попрезивав его, номер восемь быстро выбросил нового воспитателя из головы. Однако сейчас... его глаза забежали, и он, прикрывая ушибленную голову, осторожно разглядывал этого человека.

Присмотревшись, он решил: «Хм, всё такой же неженка, который рассыплется в прах от малейшего прикосновения. А то спокойное, отстраненное давление, что я почувствовал мгновение назад, должно быть, просто показалось».

Сделав такой вывод, номер восемь скривился от нетерпения.

«Чего уставился? Не знаешь, что я терпеть не могу воспитателей?» – он уже хотел было высказаться, как вдруг услышал:

– Ты плакал?

Голос был мягким и тихим, с ноткой легкого, искреннего удивления.

Что? Плакал?

Как он, такой крутой и смелый, мог совершить столь постыдную вещь? Номер восемь возмущенно надул щеки:

– Кто плакал? Я вовсе не плакал!

Он сердито уставился на Су Цы, а затем машинально поднял руку, чтобы протереть глаза – хотел сделать зрение четче, а взгляд – свирепее.

В итоге он почувствовал какую-то влагу – холодную и мокрую. Похоже, это действительно

были... слезы?

Подросток замер. Он недоверчиво потер глаза снова и, увидев на пальцах кристально чистые капли, внезапно заикался:

– Я... я не... это не я... я просто ударился о стену...

Су Цы присел на корточки, внимательно разглядывая ребенка перед собой.

Мальчику было чуть больше восьми лет, не больше десяти. Сзади у него свисал длинный серо-черный хвост.

Короткие волосы – тоже черно-серые, с одной яркой белой прядью на челке. Черты лица были не такими изящными, как у номера три, но всё же очень милыми.

Самым примечательным были его изумрудные глаза: из-за сильного эмоционального всплеска они ярко блестели, излучая бьющую ключом жизненную силу.

Сейчас ребенок напоминал взъерошенного щенка, который отчаянно доказывал, что не плакал, хотя его щеки и уши становились всё краснее.

Су Цы склонил голову набок, продолжая дразнить его:

– Значит, ты всё-таки заплакал, потому что ударился?

– Я же сказал, что не плакал! И вообще, мне ни капельки не больно! – закричал номер восемь. Шерсть на его хвосте мгновенно встала дыбом, отчего тот стал казаться еще пушистее.

Разгневанный мальчишка вскочил на ноги, решив больше не обращать внимания на этого противного воспитателя.

– Уйди, не загораживай дорогу!

Су Цы, которого он толкнул, послушно сел на пол. Но когда ребенок проходил мимо, он молниеносно протянул руку и длинными пальцами крепко ухватил его за воротник.

- Чего надо? - номер восемь обернулся и свирепо сверкнул глазами.

- 4586 ищет тебя.

- Хм, и что с того? - мальчик выглядел вызывающе.

А ведь и правда, что с того?

Подумав так, Су Цы отпустил воротник номера восемь, отряхнул руки и поднялся. Он наклонился, поднял стоявший у двери контейнер с едой и приготовился нести ужин номеру пять.

Номер восемь, который уже собирался сбежать, заметив контейнер, внезапно остановился.

- Это ужин для номера пять? - спросил он.

- Да, иду к ней, - честно ответил Су Цы. - Пойдешь со мной?

- Пф, кто вообще захочет идти к этой девчонке, которая только и умеет, что хныкать? - номер восемь скривил губы, а затем добавил: - У неё рука зажила?

Су Цы опустил взгляд, молча и пристально глядя на него.

Номер восемь явно занервничал под этим взглядом. Он, словно поджёженная петарда, отскочил в сторону и недовольно закричал:

- Чего ты так на меня смотришь?

- Ничего.

Су Цы отвел взгляд и посмотрел в сторону коридора. По идее, 4586 уже должен был найти их здесь, почему он до сих пор не спустился?

Вспомнив о трагедии с 4583, Су Цы прищурился и посмотрел на ребенка рядом.

Номер восемь ничего не заподозрил. Увидев, что Су Цы смотрит в сторону коридора, он гордо упер руки в бока и с торжествующим видом заявил:

- Хе-хе, можешь не смотреть!

- Я заблокировал лифт и лестничную дверь. Этот тупой робот ни за что не спустится, сейчас, небось, бегают кругами от злости.

Представив комичный вид робота-няни, номер восемь не удержался и расхохотался.

Су Цы моргнул и отправил короткое сообщение 4586, сообщив, что номер восемь найден. Как только он это сделал, пришел ответ от 4586: лифт сломан.

Выражение лица Су Цы снова стало ленивым.

Он убрал коммуникатор и, неся контейнер, направился к комнате номера пять.

Комната номера пять находилась по соседству с номером три.

Она и номер четыре были братом и сестрой, жили вместе. На двери горела табличка «4/5», но сейчас светилась только цифра «5» – видимо, в комнате была только она.

Су Цы, как и в прошлый раз, постучал в дверь.

Номер восемь, стоявший позади, странно посмотрел на него, но вскоре его внимание переключилось на экран, загоровшийся посередине двери.

Ни один ребенок не мог устоять перед электронными гаджетами, и номер восемь не был исключением. До того как его отправили в приют, он даже пользовался звездной сетью.

Жаль, что детенышам в приюте не разрешалось иметь такие устройства – у него сейчас даже простого коммуникатора не было.

[Идет проверка личности...] Белый свет просканировал лицо Су Цы.

[Динь – личность подтверждена]

[Стажер-воспитатель Су Цы, здравствуйте. В комнате 404 детеныш номер четыре отсутствует. Согласно сканированию, у детеныша номер пять подавленное состояние, риск звероформы повышен. Желаете немедленно открыть комнату 404 приюта?]

Глядя на текст на экране, номер восемь не удержался и дернул Су Цы за рукав:

– Эй, что там написано?

Он плохо знал грамоту, в этой длинной строке разобрал только пару цифр.

Су Цы проигнорировал его и нажал «подтвердить».

Как и в комнате номера три, металлическая дверь бесшумно разъехалась в стороны, втянувшись в стены и открыв проход, достаточный лишь для одного человека.

Су Цы не спешил заходить, осторожно заглядывая внутрь.

А вот номер восемь, увидев, что дверь открылась, забыл про все вопросы. Нетерпеливо

протиснувшись мимо Су Цы, он бесцеремонно зашагал внутрь.

Однако тут же он снова был подхвачен за загривок и приподнят в воздухе.

Номер восемь дернулся, пытаясь вырваться, но обнаружив, что сдвинуться с места не получается, сердито обернулся и уставился на Су Цы.

- Ты опять что делаешь? - возмущенно воскликнул он.

Из-за сильного раздражения и гнева он в этот момент даже не осознал, что при всей своей силе просто не может сдвинуться с места, когда этот, казалось бы, такой хрупкий воспитатель держит его за воротник.

- Ты так себя ведешь, это не вежливо, - заметил Су Цы, внимательно осматривая комнату.

Вежливо? Что это еще за чертовщина?

Номер восемь с совершенно недоуменным видом посмотрел на него и увидел, как этот новый воспитатель снова сложил пальцы и постучал по стене.

Да у него что, проблемы с головой?

Номер восемь был в полном недоумении. В его короткой и трудной жизни никто никогда не учил его понятию «вежливость», и уж тем более никто не говорил о таких базовых правилах приличия, как стук в дверь перед тем, как войти в чужую комнату.

Тем не менее, он перестал сопротивляться и, скрестив руки на груди, встал в стороне. Его огромный хвост от недовольства раздраженно мотался из стороны в сторону.

Эта комната была примерно такого же размера, как у номера три, но она была разделена на две зоны. Слева и справа стояли отдельные кровати, наборы детских столов со стульями и по одному шкафу.

Левая сторона выглядела довольно запущенно и беспорядочно: кровать и мебель были изрядно потрепаны. Особенно выделялась односпальная кровать длиной около полутора метров – она выглядела крайне ненадежно, и казалось, что четыре её ножки могут сломаться и рухнуть в любой момент.

Даже на металлическом полу отчетливо виднелись глубокие следы от острых когтей.

По сравнению с этим правая сторона была гораздо более аккуратной, а мебель здесь сохранилась в хорошем состоянии.

Стены всей комнаты были разрисованы яркими красками – невозможно было разобрать, что именно изображено. Даже на кровати, столе и спинках стульев виднелись разноцветные пятна и мазки.

Су Цы бегло осмотрел помещение, и его взгляд остановился на маленькой кровати справа.

Под серым одеялом виднелся явный бугорок, а из-под края выглядывали пряди льняных волос. Когда Су Цы постучал по стене, этот кокон заметно вздрогнул.

Номер восемь тоже впервые оказался в чужой комнате.

Пока Су Цы осматривался, он с любопытством вертел головой по сторонам, но обнаружил, что обстановка не сильно отличается от его собственной, разве что на стенах были нарисованы донельзя детские, наивные картинки.

Он знал, что это всё художества номера пять – девчонка обожала рисовать подобную ерунду. Однажды он в порыве гнева порвал её рисунки, за что потом получил очень серьезную взбучку от номера четыре.

Заметив бугорок под одеялом, он наконец не выдержал и снова начал вырываться из хватки.

Су Цы послушно разжал пальцы.

Номер восемь с шумом подбежал к кровати и одним резким, бесцеремонным движением сорвал одеяло.

- Номер пять, номер пять, твоя рука зажила?

Су Цы посмотрел на виляющий из стороны в сторону хвост мальчишки и подумал, что этот ребенок не похож ни на волка, ни на лису, а скорее напоминает обычную, очень активную собаку.

Несмотря на то, что номер пять отчаянно сопротивлялась, сил у неё было гораздо меньше, чем у номера восемь, поэтому она не смогла удержать одеяло и в итоге осталась полностью открытой.

Маленькая девочка, сидевшая на кровати с растрепанными волосами, была с красными от слез глазами, а её щеки были мокрыми от еще не высохших дорожек.

Она надула губы, села и, жалобно глядя на номер восемь, принялась ронять крупные, тяжелые слезы.

Номер восемь, который до этого был полон энтузиазма, внезапно растерялся, и его виляющий хвост безвольно повис.

- Че... чего ты? Твоя рука еще не зажила? - он притянул руку девочки к себе и внимательно осмотрел её: ладонка была чистой и белой, никаких следов ожога не осталось.

- Она же уже прошла! Чего ты еще реवेशь? - номер восемь проследил за жалобным взглядом номера пять и увидел одеяло, которое всё еще сжимал в руке.

- Тц, подумаешь, одеяло, - нахмурился он. - У меня что, своего нет? Забирай, мне не жалко.

Мальчишка бросил одеяло обратно девочке, но номер пять это совершенно не утешило. Она продолжала дуть губы, а крупные слезы, словно жемчужины с порванной нити, безостановочно

катились по её щекам.

Номер восемь занервничал:

– Ой, ну хватит реветь! Если твой брат узнает, мне снова влетит!

Стоило ему это сказать, как номер пять зарыдала еще пуще прежнего.

Растерянный номер восемь чуть было не упал на колени от бессилия. Обернувшись, он увидел, что Су Цы, не спеша, вошел в комнату с контейнером еды и поставил его на маленький столик номера пять.

– Эй... – мальчишка поспешно подбежал и дернул Су Цы за край одежды. Когда тот склонил голову, чтобы посмотреть на него, он указал пальцем на девочку на кровати.

Номер восемь, который обычно ничего и никого не боялся, впервые посмотрел на воспитателя с искренней мольбой о помощи.

Су Цы, поставив контейнер, направился к номеру пять и небрежно придвинул стул, чтобы сесть у кровати. Детский стульчик был очень низким, поэтому, когда Су Цы сел, его взгляд оказался на одном уровне с глазами сидящей на кровати девочки.

Как и у номера три, у номера пять не было никаких признаков звероформы – она выглядела как самый обычный человек.

У неё были длинные вьющиеся волосы льняного цвета и изящные, миниатюрные черты лица с высокой переносицей. Неизвестно, от слез или от того, что она только что была укутана в одеяло, её круглые щеки пылали неестественным румянцем.

Сейчас девочка, надув губы, горько плакала, и слезы непрерывно катились из её круглых глаз, делая её вид одновременно жалким и невероятно милым.

Су Цы молча и спокойно смотрел на неё, не спеша с речью. Номер восемь стоял за его спиной, надув губы, и отчаянно дергал его за одежду.

- Ты хоть что-нибудь скажи! - прошептал он, очень тихо и настойчиво потирая плечо.

К сожалению, Су Цы совершенно не реагировал. В конце концов номер восемь совсем сник, решив, что действительно не стоит полагаться на воспитателя, и нужно придумать что-то самому!

Однако не успел он ничего придумать, как плач номера пять, до этого бывший очень сильным, начал постепенно затихать.

Маленькая девочка, всё ещё с глазами, полными слез, смотрела на Су Цы. Из-за того, что она только что сильно рыдала, она всё ещё немного всхлипывала, но, судя по всему, её эмоциональное состояние начало стабилизироваться.

Только тогда сидящий у кровати черноволосый юноша мягко заговорил:

- Здравствуй. Меня зовут Су Цы.

Номер пять, видимо, не ожидала такой реакции. Она сначала несколько раз глупо моргнула, затем шмыгнула носом и тихо ответила:

- Здрав... здравствуйте. Я - номер пять.

Этот детский голосок с сильным насморком и всхлипами звучал невероятно мягко и мило.

Хвост номера восемь снова не удержался и завилял. Увидев, что номер пять наконец перестала плакать, он поспешно вставил:

- Он новый воспитатель, пришел принести тебе ужин.

Номер пять тихонько кивнула, хотя оставалось неясно, услышала ли она его слова.

В этот момент перед ней появилась тонкая белая ладонь юноши.

Это была очень красивая рука: длинные пальцы были чистыми и белоснежными, с легким здоровым розовым оттенком. На этой красивой ладони лежал сложенный темно-синий платок.

Девочка подняла глаза и встретила с теплым, глубоким взглядом черных глаз юноши.

- Вытри слезы, - тихо сказал новый воспитатель.

Его голос, как и он сам, был мягким и совершенно безобидным. Всего несколько простых слов, но они подействовали куда сильнее, чем любые длинные речи, заставляя невольно поверить ему.

Девочка посмотрела на него, затем на платок в его руках.

Наконец, она закусила свои покрасневшие и сухие губы, протянула маленькую ручку, взяла платок и послушно опустила голову, вытирая глаза. Вдруг она замерла.

Заметив эту странную паузу, Су Цы спросил:

- Что такое?

Номер пять подняла голову. В её глазах, всё еще полных слез, заиграла искренняя радость; они сияли в свете ламп, словно промытые драгоценные камни.

Она указала на узор, вышитый в правом нижнем углу платка, и звонко произнесла:

- Цветок!

На темно-синей ткани были вышиты несколько нежно-белых цветков груши. Лепестки были изящно расправлены, а в центре золотой нитью были тонко выведены тычинки - всё выглядело удивительно утонченно.

Это была красота, которую номер пять никогда раньше не видела на тюремной звезде.

Номер восемь, который всё это время внимательно наблюдал за ними, не удержался и тоже подошел ближе, удивленно воскликнув:

- Ого, этот цветок даже красивее, чем те, что ты рисуешь!

Услышав это, номер пять бросила на него короткий взгляд, затем снова опустила глаза на платок и замолчала.

Номер восемь совершенно не осознавал, что только что сказал. Он еще немного поразглядывал вышивку, но чувство новизны быстро прошло.

Сам он не любил подобные вычурные вещи, поэтому, решив, что это скучно, проворчал:

- Как ни крути, это всего лишь подделка. Настоящие цветы гораздо лучше, они еще и пахнут.

Девочка слегка надула щеки, сердито зыркнула на него, а затем крепко прижала платок к себе и уверенно заявила:

- Пахнет!

Услышав это, номер восемь недоверчиво принялся и обнаружил, что платок действительно источает тонкий аромат. Он почесал затылок и пробормотал:

- Но ведь это же подделка...

Номер пять оскалилась на него, явно собираясь укусить. Теперь она окончательно перестала плакать, и, когда эмоции улеглись, всхлипы прекратились.

Су Цы протянул руку, чтобы забрать платок, но номер пять, почувствовав его движение, мгновенно сжала пальцы, намертво вцепившись в ткань.

Он не стал настаивать. Погладив кончиками пальцев вышивку, он спокойно сказал:

- На него рассыпали пыльцу.

- Пыльца...

Девочка моргнула. В её покрасневших от слез глазах читались замешательство и огромное, искреннее любопытство:

- Пыльца - это что?

- Пыльца - это то, откуда берется этот аромат, - Су Цы опустил взгляд на платок, погружившись в легкие раздумья.

Услышав объяснение, номер пять буквально просияла. Она бережно прижимала платок к груди, и её глаза светились так, будто она получила величайшее сокровище в мире.

- Пыльца, пахнет! - её милый детский голосок всё еще немного гнусавил, но каждый мог услышать, как она счастлива.

Порадовавшись, номер пять посмотрела на Су Цы, и на её лице отразилось явное колебание.

Затем, словно приняв окончательное решение, на глазах у Су Цы и номера восемь девочка ловко сползла с кровати, короткими ножками добежала до шкафа и потянула за нижний ящик.

Она немного порылась внутри, достала что-то, зажав в кулачке, и, приплясывая от радости, вернулась обратно. Забравшись на кровать, она раскрыла ладошку перед Су Цы.

- Тебе, в обмен... в обмен на это!

На её нежной ладошке лежал крошечный черный закладка-зажим, украшенный красным пластиковым цветочком, который был меньше ногтя на мизинце.

Су Цы уставился на закладку, не зная, что сказать.

Видя, что он не берет подарок, номер пять занервничала. Она приблизилась, сжала закладку пальчиками и осторожно прикрепила её к волосам Су Цы у самого виска.

Закончив, девочка отступила на два шага, внимательно осмотрела результат и уверенно кивнула:

– Красиво!

Су Цы: – ...

Номер восемь наблюдал за этой сценой с вытаращенными глазами. Он узнал эту заколку – её подарила номеру пять та самая старшая сестра из оперативного отдела.

Номер пять берегла её как зеницу ока, никогда не надевала и всегда прятала в самом надёжном месте в комнате. Кто бы мог подумать, что она отдаст её этому новому воспитателю!

Он смотрел, как номер пять прижимает платок к лицу, вдыхая аромат, и как она дорожит им даже больше, чем заколкой, и не удержался от зависти:

– Хм, подумаешь, кусок тряпки с нарисованным цветком?

– Вот вырасту, разнесу эту дырявую базу, выйду наружу и принесу тебе целую комнату настоящих цветов! Красных, желтых, фиолетовых – каких только захочешь!

Номер пять не удостоила его ответом.

Подобные хвастливые речи номер восемь произносил уже много раз. Но она знала: даже если выйти за пределы базы, на этой проклятой планете цветов нет...

Посчитав, что сделка с Су Цы успешно завершена, номер пять с удовольствием вдохнула аромат цветов с платка и довольно спрятала его в карман.

После долгих слез она сильно проголодалась.

Девочка снова спрыгнула с кровати, подбежала к столу, встала на цыпочки и открыла контейнер. По комнате разлился густой мясной аромат, смешанный со свежей, манящей сладостью фруктов.

Помимо мяса, номер пять очень любила фрукты.

Су Цы всё еще занимал стул, но девочка не возражала. Она просто стояла у стола, взяла маленькую ложечку и с отличным настроением принялась за еду.

Номер восемь, почуяв запах, почувствовал, как в животе громко заурчало – он сбежал, не дождавшись 4586, и, конечно, остался голодным.

Не выдержав, он тоже подбежал к столу.

Столик номера пять был для него низковат, поэтому он присел на корточки и с тоской наблюдал за едой, виляя пушистым хвостом.

– Я тоже проголодался, дай и мне кусочек.

Су Цы смотрел, как этот пушистый хвост виляет прямо перед глазами, и руки так и чесались погладить его, но девочка была непреклонна.

– Ты, иди в свою комнату, ешь, – отрезала она.

Пяти-шестилетняя девочка еще не говорила совсем складно, но в её голосе прозвучала неожиданно властная нотка.

Су Цы, который до этого момента заворуженно смотрел на хвост номера восемь, резко поднял голову и посмотрел на неё.

Сказав это, девочка снова уткнулась в свою тарелку, а номер восемь, сидевший на корточках, вдруг остекленел взглядом.

Он начал тихо бормотать:

- Иди в свою комнату, ешь... иди в свою комнату, ешь...

Затем номер восемь встал и, двигаясь скованно, но очень быстро, направился к выходу.

Су Цы наблюдал за этой сценой, с удивлением поглядывая на девочку. Поколебавшись, он поднялся и последовал за номером восемь.

Уже в дверях он обернулся.

Девочка в комнате тоже подняла голову и посмотрела в их сторону. Одной рукой она держала ложку, а другой помахала ему, и её круглые глаза превратились в счастливые полумесяцы...

Пока металлическая дверь окончательно не закрылась, полностью скрыв её из виду.

<http://bllate.org/book/18549/1811045>